

ОБЩИНА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Рустам ВАХИТОВ

1. Морализаторский подход к общине и гражданскому обществу

Часто социалистам или сторонникам общинных форм экономики, к которым принадлежит и автор этих строк [1], приходится слышать со стороны либералов, то есть сторонников экономики буржуазной, частнособственной, обвинения в непростительной наивности. Как говорят либералы, мы, дескать, не замечаем того простого факта, что людям по их природе свойственно стремиться к своей собственной выгоде. А поэтому, с их точки зрения, строй либерализма и капитализма, где отношения между людьми строятся на базе рационального договора и взаимной выгоды, в этом плане естественен – он позволяет преследовать свою выгоду открыто, не вступая в противоречие ни с законом, ни с общественным мнением.

Общинный же уклад хозяйствования, начиная с родовой и крестьянской общины и кончая советским жизнеустройством, перенесшим общинную модель жизни в города, и «сетями «экономики дара», вне рыночного обмена и взаимопомощи, существующими и на современном Западе, якобы патологичен. Ведь он основан на взаимовыручке и поддержке друг друга, а значит, заставляет людей сдерживать свой естественный эгоизм ради блага ближних. Более того, эти либералы указывают на то, что в реальной общине бывает полным-полно конфликтов вследствие реально существующего эгоизма ее членов. И например, русские крестьяне-общинники, которых так идеализировали славянофилы и революционные народники XIX века, если судить по произведениям писателей, изнутри знакомых с крестьянским бытом (Энгельгард и др.), были далеко не альтруистами, и при удобном случае выгоду свою не упускали.

Но такое утверждение было бы непростительным упрощением реальности, идеализацией общины как типа жизнеустройства и демонизацией гражданского общества. Увы, эти эмоциональные перегибы по отношению к данной проблеме распространены. Мы уже говорили, что подобная идеализация хозяйственной, прежде всего, крестьянской общины была характерна для русских славянофилов, которые считали крестьянскую общину, да и хозяйственную общину вообще принадлежностью исключительно русского народа и объявляли ее воплощением на земле христианского идеала братской любви и «хоровой» личности. Как писал Ю. Кауфман, автор статьи о земельной общине из словаря Брокгауза и Эфрона: «В глазах славянофилов община является той средой, в которой может получить свое осуществление идеал христианской любви. Это не контракт, не сделка, а проявление народного духа, союз людей, отказывающихся от своей личности и являющих общее согласие как действие христианской любви».

Получается, что либералы, критикующие хозяйственную общину, просто берут в готовом виде трактовку этой общины славянофилами, будто это истина в последней инстанции, и только лишь придают ей отрицательный

[1] - Если быть совсем точным, то я по своим взглядам – левый евразиец, то есть выступаю за социалистические и общинные формы в экономике и в быту, за сильное государство-партию в качестве вертикали власти и за воссоединение территорий бывшего СССР под началом новой некоммунистической России с некоммунистической евразийской идеологией.

знак. Либералы вслед за славянофилами повторяют, что хозяйственная община – явление чисто русское и нигде больше в таком виде ее нет, и что она попытка воплощения христианского идеала братства на земле. Но поэтому, заключают либералы, она и плоха. Зачем нам такой институт, от которого давно уже отказались все другие, и прежде всего, цивилизованные народы? И разве можно в вопросах сугубо практических, хозяйственных, рассчитывать на идеалы, альтруизм, когда мы живем на грешной земле, в мире, который «во зле лежит»?

Либералы, критикующие эту общину, как видим, не желают критически подойти к стереотипу об общине, порожденному славянофилами. А между тем это необходимо сделать.

2. Община и место в ней разумного эгоизма

Во-первых, еще в XIX веке стало очевидным, что хозяйственная община не является особенностью русского народного быта, как казалось славянофилам. Конечно, русская поземельная община имела свои отличия от других соответствующих институтов, но, тем не менее, общинное землепользование и хозяйство существовало издавна и везде – от древней Греции и древнего Египта до средневековых Франции и Англии. Россия лишь сохранила эту общину до той поры, когда на Западе она была уже давно разрушена, в этом действительное отличие России от Запада и ее сходство со странами Востока. Более того, хозяйственная община не сводится к поземельной и сельскохозяйственной общине. К организациям общинного типа принадлежат и древний род, и средневековые цеха и гильдии.

Современные социологи говорят о «сетях экономики дара» – неформальных сообществах соседей, друзей, родственников, которые осуществляют взаимовыручку при помощи безденежного обмена «дарами» (услугами, продуктами и т.д.), широко распространенных и в наши дни по всему миру, в том числе в странах Запада и альтернативных официальной капиталистической, товарно-денежной экономике. Это тоже разновидность общины в широком смысле слова. Английский социолог экономики Теодор Шанин также отмечает, что невозможно все многообразие экономических форм в современном виде сводить к полюсам госсocialизма и плановой экономики и капитализма и рыночной экономики. Большую роль сейчас играет в мире, в том числе и на «капиталистическом» Западе, неформальная экономика, где часто встречаются общинные формы хозяйствования (например, семейные предприятия).

И во-вторых, община – от родовой или деревенской общины «до сети экономики дара» – в современном городе вовсе не исключает получение личной выгоды. Еще П.А. Кропоткин, проследивший в

книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» разные формы общины с древности до XIX века, замечал, что община производственная, занимающаяся производством материальных благ и их распределением (а именно ее мы здесь и рассматриваем, оставляя без внимания общину религиозную, объединенную общей верой, или политическую – сословие аристократов, выполняющих роль государства в традиционном обществе), создается с целью сохранения безопасности и скромного достатка.

Соединение в производственные и распределительные общины, кооперации и союзы связано вовсе не с тем, что все люди, в них входящие, являются ангелами во плоти и не способны к конфликтам и эгоистическим действиям, а с тем, что в суровых условиях жизни, в которых находилось и находится большинство человечества в большинство исторических периодов, это единственное средство к выживанию. Только привилегированное меньшинство, чьи материальные запросы обеспечены трудом других, могут позволить себе роскошь мало ограниченного или вовсе неограниченного эгоизма (и то, как мы уже говорили, в традиционном мире они также организовывались в общинные институты бытия). Те же, кто добывает себе хлеб тяжелым физическим трудом, не в состоянии себе этого позволить.

Если, скажем, в голодный год крестьяне жили бы как обособленные фермеры и обособленные батраки, заботящиеся лишь о себе, а не как общинники, которые делятся своими запасами, то большинство их просто вымерло бы. Выжившие же тоже недолго бы праздновали победу. Они не смогли бы долго прожить в таком ничтожном количестве, потеряв множество рабочей силы, специалистов и не будучи в силах обрабатывать опустевшие земли. Конечно, община способствует нравственному развитию, поскольку заставляет сдерживать эгоизм. И несомненно, легче жить в общине человеку незлобивому, неагрессивному, добродушному, склонному к сотрудничеству с другими, и община воспитывает в своих членах эти качества. Но и закоренелый эгоист тоже может жить и живет в общине, причем даже не вполне изменяя своему эгоизму, исходя не из природного добродушия, которого у него нет, а из рационального расчета. Он ведь понимает, что часто достичь своей корыстной и индивидуалистической цели – сохранить свою индивидуальную жизнь и безопасность в трудной ситуации можно лишь сообща, вместе с другими, делясь с ними и получая помощь от них.

В этом смысле община построена в том числе и на эгоизме, только разумном, а не безграничном и затмевающим ум. Действительно, мало кто задумывается над тем, что в общине помогают друг другу только на определенных условиях. Другому человеку помогают, зная, что и он в случае чего тоже придет на помощь. Тому, кто эти условия не будет соблюдать, сначала

укажут на это, потом попытаются воздействовать морально, а потом, если не поможет, просто исключат из общины [2]. Род в древности мог проклясть своего члена и отречься от него, тот терял право на помощь и часто погибал. Средневековая крестьянская община могла прогнать крестьянина, и судьба его тоже была незавидна, из цеха или из гильдии тоже исключали. Наконец, неформальные «сети экономики дара» действуют тоже на доверии, и если кто-либо его не оправдает, ему больше не будут оказывать услуги. Что же тут общего с альтруизмом, который есть помощь бескорыстная, без всякой выгоды, а не на условиях взаимной услуги, и высшая форма которого – христианская любовь требует помогать даже нашим врагам, то есть тем, кто оскорбляет и преследует нас, желая нанести ущерб или даже убить? Если в общине объявится враг всех остальных общинников, который не просто откажется помогать другим, но и станет им вредить, то разве его станут терпеть? [3]

Конечно, взаимопомощь в хозяйственной общине не формализована, не существует в виде договора, регламентирующего, что и как за какую услугу нужно сделать. Она основывается на традициях, ритуалах, неписаных законах, что позволяет повременить с ответной услугой, заменить одну услугу другой. Более того, взаимопомощь в хозяйственной общине предполагает личностные отношения, тогда как акт купли-продажи в условиях общества капитализма, в общем-то, никакой связи между личностями не несет. Но по существу это дела не меняет.

Как видим, славянофилы были неправы и в том, что хозяйственная община есть исключительно христианский вид жизнеустройства. Христос говорил: «Царство

[2] - На это иногда возражают, что община слишком долго держит своего нерадивого члена, помогая ему и рассчитывая на его исправление (вспомним, сколько в советских коллективах возились с выпивохами и лентяями), тогда как в либеральном обществе неудача в конкурентной борьбе сразу же выбрасывает человека за борт жизни. Считается, что здесь скрывается «излишняя моральность», экономическая нецелесообразность общины; на деле это объясняется лишь тем, что община ориентирована на выживание. Общинники знают, что в случае экстремальных обстоятельств каждая жизнь и каждые рабочие руки на счету, если избавиться от лентяя сейчас, в случае кризиса просто может не хватить сил, лучше уж, пока время сносное, повозиться с ним, помогать ему, даже зная, что полностью он никогда не исправится.

[3] - О нетождественности отношений в рамках «экономики дара» (реципрокного обмена) альтруизму говорят и современные социологи (см. обсуждение доклада С.Ю. Барсуковой «Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами. Часть 1. Теория реципрокности. Раздел 1. Сущность и функции реципрокных отношений» на Интернет-конференции «60-летие выхода в свет «Великой трансформации Карла Поланьи»: уроки для России»).

Мое не от мира сего». Это значит, что не существует в нашем земном, посюстороннем мире формы политического и экономического устройства, которая полностью соответствовала бы христианскому идеалу (церковь не в счет, потому что цель ее существования не экономическая деятельность, и не политика, а обретение вечной жизни с Богом в потустороннем мире). Это не личная трактовка приведенных слов Христа автором этих строк, который вообще-то не является богословом и не может претендовать на верную интерпретацию Писания. Это трактовка такого выдающегося мыслителя эпохи патристики, как Августин Блаженный В 19-й книге своего труда «О граде Божием» он относит общину и государство к граду земному, то есть сообществу людей, основанному не на христианской любви, а на общей выгоде, и созданному не для обретения вечной жизни с Богом за гробом, как церковь, а для устройства своих посюсторонних, земных, человеческих нужд.

В нашем мире, как заявлял Августин, град Божий смешан с градом земным, то есть добро перемешано со злом, альтруизм с эгоизмом. Конечно, хозяйственная община не представляет исключения из этого правила, тем более, что Августин не только хозяйственную, но и религиозную церковную общину уличал в таком смешении... А ведь производственная и распределительная община по предназначению своему – практический, а не нравственный союз. В отличие от благотворительной организации, она возникает не из-за стремления к бескорыстному доброделанию, а из взаимовыгодных для ее членов нужд выживания и обеспечения безопасности. Она изначально предполагает долю эгоизма, но такого, при котором удовлетворение интересов одного совпадало бы с удовлетворением общего интереса, поскольку так разумнее, чем просто враждовать друг с другом. Община построена не на альтруизме, а на разумном эгоизме ее членов (хотя это не значит, что все ее члены обязательно должны быть закоренелыми эгоистами) [4].

Впрочем, община может быть заключена в рамки

[4] - Вспомним, что речь идет о производственной общине, то есть о форме организации трудящихся, народа, низшего сословия в традиционном обществе. Здесь уместно указать, что в мире Традиции никому и в голову не приходило видеть в народе неких альтруистов. Напротив, широко распространено было восприятие простолюдинов как людей, которым свойственна хитрость, корыстность, даже вороватость (показательно, что слово «подлый» в таких языках, как немецкий или русский, первоначально означало просто народ, крестьян, без всякой моральной оценки, но очень скоро приобрело нынешний смысл). Конечно, в этом был элемент преувеличения, который следует отнести за счет аристократического снобизма и презрения к народу. Но нельзя не признать, что пороки людей практических, занимающихся делом, созданием материальных благ, должны были отличаться от пороков тех, кто занимался войной, политикой и религиозной проповедью и тоже нести практический, приземленный характер.

христианского союза, и тогда в ней действительно, появляются начала альтруизма; собственно, так оно и было в средневековой Руси, где крестьянская или мещанская община была одновременно элементарной единицей иной, религиозной общины – православной церкви, то есть община совпадала с церковным приходом. Но в этом случае община как хозяйственный институт просто впитывала в себя, так сказать, более высокие и по природе ей не свойственные ценности альтруизма. Причем этот союз был именно союзом, то есть временным объединением двух нетождественных институтов – хозяйственной и религиозной общин. Как показала дальнейшая история, хозяйственная община может существовать и самостоятельно, вне церкви, и тогда она проявляет свою истинную, далеко не альтруистическую природу.

Более того, хозяйственная община сама по себе не лишена и множества недостатков, которые должны осуждаться с нравственной точки зрения. Так, община вполне равнодушна к судьбе тех, кто из нее изгнан, во всяком случае, не меньше, чем капиталист – к судьбе уволенного рабочего. К примеру, из крестьянского мира изгоняли по приговору мирового схода и после публичного битья плетью за воровство, и прежде всего конокрадство, за «порчу девок», за «дурной глаз» [5]. По словам историка С. Платонова, которые относятся к средневековой Руси, т.е. к временам расцвета сельской общины, «лишенный покровительства своих близких, изгнанный из какого-либо сообщества человек становился беззащитным, потому что никто не шел к нему на помощь, его можно было по старому выражению «убить во пса место» (убить как собаку) [6]. Однако это положение сохранялось и после окончания Средневековья. Вплоть до XIX века крестьянские общины убивали или изгоняли, предварительно разорив, то есть оставив без средств к существованию, тех своих бывших членов, которых подозревали в колдовстве, приведшем к неурожаю, болезням общинников и т.д. [7].

Далее, община, воспитывая круговую поруку между своими, порождает ксенофобию по отношению к чужим. Она к ним также враждебна и агрессивна, как общество буржуа нетерпимо и презрительно настроено по отношению к обездоленным, беднякам, лишенным собственности («пролетариям»). Община с ее прессингом мнения большинства нетерпима к оригинальности мышления и к новизне.

Эти недостатки общины диалектически связаны с ее достоинствами, ведь, как давно было замечено, наши недостатки – продолжение наших достоинств. Нельзя выдвигать лишь одни недостатки и не видеть достоинств, равно как и наоборот. Не нужно ни де-

монизировать хозяйственную общину, ни идеализировать, нужно видеть ее такой, как она есть, и анализировать, хорошо ли она выполняет свое предназначение.

3. Гражданское общество и либеральное ограничение свободы

Неверно также утверждать, что либеральная модель гражданского общества, построенного не на взаимопомощи, как хозяйственная община, а на конкуренции, предполагает исключительную опору на эгоизм, так сказать, безграничный эгоизм. Думаю, и такая постановка вопроса есть непростительное упрощение. Наши патристические публицисты, увы, часто грешат односторонним пониманием либерализма (каюсь, сего греха в свое время не избежал и автор этих строк). Либеральное общество понимают как разнузданную игру асоциальных инстинктов или как общество, где свобода индивида в обычном простом смысле есть главная и абсолютная ценность. Само название этой идеологии подталкивает к такому упрощению. Кроме того, у любого, пережившего тот политико-экономический хаос, в который ввергли нашу страну в 1990-е политики, именовавшие себя либералами (и не знавшие зачатку даже основ западного либерализма), складывается такое же впечатление.

Но если же мы обратимся к классикам настоящего, западного либерализма, то обнаружим нечто неожиданное. Все они утверждают в один голос: абсолютная свобода несет зло, свобода индивида должна быть ограничена. В основе идеологии либерализма лежит идея естественного состояния, то есть такого состояния, когда люди свободны и могут делать, что им заблагорассудится. Неудобство этого состояния, согласно либерализму, состоит в том, что тогда имущество и жизнь каждого из людей не могут быть в безопасности, так как люди имеют, наряду с добрыми, и порочные, даже преступные наклонности и желания. Поскольку не существует законов, любой может на них покуситься.

Томас Гоббс, который ввел понятие естественного состояния, рисует его в более мрачных тонах, представляя как самоубийственную войну всех против всех, считая, что эгоизма у людей больше, чем добродетели. Джон Локк, развивавший его мысли и облекший их в форму классической либеральной теории, был более снисходителен к людям и не отрицал, что они могут в некоторой степени прислушиваться к голосу разума и добрых чувств. Но и Гоббс, и Локк согласны в одном: естественное состояние нетерпимо, людям трудно прожить порознь, без общения, они должны заключить между собой общественный договор о том, чтобы создать разумные законы и ограничить свою свободу, избрав правительство, которое будет следить за исполнением закона.

[5] - <http://www.emc.komi.com/01/17/101.htm>

[6] - <http://www.seminars.ru/bnode/4/article/53/index3.htm>

[7] - <http://www.bestreferat.ru/referat-64057.html>

Либерализм выступает не за естественную свободу, то есть свободу не подчиняться ничему, кроме закона природы, а за политическую свободу, которая, по словам Локка, «заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека». Не свобода вообще, от которой ничего хорошего ждать не приходится, а свобода, ограниченная разумным законом, есть идеал и цель либерализма.

Возможно, это будет неожиданностью для многих наших патриотов, но это факт, с которым ничего не сделаешь: либерализм – это не идеология вседозволенности, а идеология ограничения эгоизма посредством закона, который принят людьми ради их же собственной выгоды. В этом смысле и либерализм, и общинный социализм есть идеологии самоорганизации и самоограничения людей, тут мы находим полнейшее сходство между ними. Член гражданского общества, проявляющий неограниченный эгоизм и игнорирующий те интересы других членов гражданского общества, которые оговорены в общественном договоре, может лишиться своего членства.

Некоторые судят о гражданском обществе по отношению капиталистов классической эпохи к своим рабочим, которое, как известно, было просто ужасающим с моральной точки зрения (за рабочими не признавалось никаких человеческих прав, их изнуряли и убивали непосильным трудом, грабили при помощи системы штрафов, бросали на произвол судьбы в случае потери работы). Отсюда и заключают, что либерализм есть вседозволенность и игнорирование нравственности и закона. Но это неверный вывод: в эпоху классического капитализма рабочие не входили в гражданское общество и, соответственно, не имели политических и юридических прав. Гражданское общество состояло тогда исключительно из собственников или буржуа, а они относились друг другу иначе, чем к рабочим (но, конечно, тоже не по принципу общинной взаимопомощи). Судить об отношении в гражданском обществе капиталистов XVIII века к пролетариям все равно, что в средневековой крестьянской общине судить об отношении общинника к изгою, человеку, изгнанному из общины и лишенному ее защиты.

Итак, как община не есть союз альтруистов (входящие в нее люди и могут проявлять бескорыстие, но не на нем строится жизнь общины), так и гражданское общество не есть просто союз эгоистов (его члены хотя и могут проявлять эгоизм по отношению к другим его членам, но не на нем, а на его своеобразном обуздании строится жизнь гражданского общества). Более того, классический западный буржуа,

который изначально рассматривался как типичный член гражданского общества, вовсе и не похож на эгоиста, разнузданного самодура, сластолюбца и лентяя, как его представляла вульгарно-марксистская пропаганда, стереотипы которой, увы, до сих пор повторяют наши патриоты. Превращение в буржуа – это не нравственное падение традиционного человека, поскольку здесь мы имеем вообще уход из пространства традиционной морали и переход к иной буржуазно-протестантской морали. Это следует четко осознать: классический буржуа не просто морален, он даже чересчур моралистичен. Он осуждает расточительство, роскошь, жизнь на «широкую ногу». Он не купит себе лишней вещи, он не потратит лишней грош на украшения и наряды жены. Основоположники капитализма – буржуа-пуритане только и делали, что читали нравоучения о скромной и простой жизни, находя соответствующие примеры из Библии, и претворяли эти принципы в жизнь.

Внешне классический буржуа производит почти впечатление аскета, а вовсе не разнузданного эгоиста. При этом он и не скупец, который хранит богатство в сундуках, трясется над ним, никому не доверяет и никуда его не вкладывает. Буржуа активен и коммуникабелен, он не боится расстаться с деньгами, способен на риск. Он ориентирован на неограниченное получение прибыли и делает деньги ради денег, а не ради того, чтобы «хорошо прожить», тратя их на удовольствия. Для него деньги – своеобразная религия (первые буржуа-пуритане действительно верили, что большие капиталы есть знак – их обладатель избран Богом для вечного блаженства). С точки зрения традиционного мировоззрения, буржуа не эгоист, а безумец. Эгоист как раз был бы понятен, и даже скупец, трясущийся над сундуками с богатством, при всей его отвратительности тоже понятен традиционному человеку. А вот буржуа с его легкостью, с которой он рискует деньгами, и подчеркнутым аскетизмом в быту выглядит как некий никогда и нигде не виданный патологический тип человека (каковой он в общем-то и есть). И нравственное разложение традиционного общества с его общинными институтами вовсе не порождает естественным образом капитализм и либеральное гражданское общество.

Это показывают исторические факты. Античная цивилизация на рубеже нашей эры впадала в такой глубокий нравственный кризис, что порядки в современном мире по сравнению с состоянием поздней Римской империи, во времена правления императоров Калигулы или Нерона, покажутся идилическими. Но никакого свободного предпринимательства и либерального общественного договора античный мир так и не породил, более того, до самой своей гибели он сохранял пусть сильно выродившиеся, но общинные формы – корпораций, союзов, сословий, хотя и постепенно разлагающиеся.

Эта же судьба была уготована и западному миру, который на исходе Средневековья, как и Греция в VII-VII вв. до н.э., пережил борьбу между сельскими и городскими общинами с одной стороны и аристократией во главе с царями («басилевсами» и королями) с другой. И в древней Греции, и в Европе времен Возрождения это привело к появлению самоуправляющихся городов-республик (ярче всего этот процесс проявился в Италии). Но протестантизм, подобно вирусу внедрившись в плоть западноевропейской цивилизации, изменил этот нормальный путь развития и направил его по невиданному, патологическому пути – пути либерального гражданского общества и капитализма. К сожалению, мы вынуждены здесь ограничиться лишь этим небольшим замечанием самого общего характера, ведь чтобы развить эти мысли, требуется отдельная большая работа. Здесь же, заключив, что буржуазное гражданское общество вовсе не есть союз эгоистов, как их понимает традиционная мораль, вернемся к нашей основной теме.

Считаем, что рассмотрение гражданского общества, равно как и общины через призму морали вообще совершенно бесперспективно и удаляет нас от понимания сути этих организаций. Дело в том, что и то, и другое образуется не для преследования моральных или аморальных целей (как благотворительные общества или преступные сообщества [9]), а для других целей, находящихся вне сферы морали, и прежде всего, целей экономического характера. Альтруистической же экономики не бывает. Экономика предполагает взаимообмен, который должен быть взаимовыгодным. Подаяние нищему – это не экономический акт. Если и можно применительно к хозяйственной деятельности общины и гражданского общества говорить о моральном факторе, то следует понять, что перед нами не борьба морали и аморализма, а борьба

[8] - Иначе сложилась история Франции, где король и аристократия победили в войне против городских коммун. Однако, если бы не появление буржуазии (которое как мы уже говорили, не было заранее заданным естественным феноменом), то народная революция пошла бы также по пути общинно-республиканскому. П.А. Кропоткин отмечал, что во Французской революции 1789 года был силен общинный момент и что под одним названием мы объединяем две революции – революцию буржуазии и революцию народных коммун.

[9] - Строго говоря, те, кто идеализирует общину и исходит из понимания ее как благотворительной организации, где люди стремятся бескорыстно помогать друг другу, а капиталистического гражданского общества как преступного сообщества, где люди не знают и не хотят знать ни законов, ни морали; это непростительное упрощение и огрубление сути вещей. Странно, что те, кто называет себя либералами, перенимают эту примитивную картинку. Впрочем, отсюда понятно, почему они капитализм и либеральную демократию понимают как возможность безнаказанно воровать

двух типов морали – традиционной и буржуазной. При этом, с нашей точки зрения, традиционная мораль является нормальной и естественной, а буржуазная – патологической. Но одно дело – патологическая мораль, а совсем другое – аморализм.

4. Цель общины и гражданского общества

Однако понятно, почему для некоторых так соблазнительно воспринимать гражданское общество как аморальный институт, а общину – как моральный. Ведь в общине мы видим взаимовыручку и взаимопомощь между ее членами, а в гражданском обществе – конкуренцию, хотя и ограниченную законом. Так, буржуа – член гражданского общества, победивший другого его члена, такого же буржуа, в конкурентной борьбе, тем не менее, не имеет права ни на его жизнь, ни на жизнь членов его семьи. Возникает законный вопрос: если гражданское общество стоит на конкуренции, а община – на взаимопомощи не потому, что первое составляют отъявленные эгоисты, а второе – ангелы во плоти, то почему тогда дело обстоит так, а не иначе?

Для того чтобы дать ответ, нужно вспомнить, для чего люди объединяются в ячейку традиционного социализма – общину и в либеральное гражданское общество. Как мы уже говорили, в общину люди объединяются ради выживания всех ее членов. Они готовы ради этого пожертвовать частью личной собственности. Например, в голодный год крестьяне-общинники добровольно отдают часть своих запасов другим голодающим членам своей общины, не из чистого бескорыстия (бескорыстно они помогают нищим или близким родственникам, а не соседям-общинникам), а для того, чтобы выжило как можно больше людей. Тогда всем сообща будет легче справиться с последствиями неурожая, мора и т. д.

В гражданское же общество некогда свободные в природном смысле «рациональные индивидуалисты», по мысли классиков либерализма, объединяются ради сохранения и приумножения собственности. Основоположник либерализма Д. Локк здесь выражался вполне определенно: «Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности». Мы уже говорили, что первоначально, в эпоху классического капитализма, гражданское общество только и состояло из крупных собственников. Для получения гражданских прав был введен большой имущественный ценз и рабочие, крестьяне, всевозможная беднота автоматически оказывались за пределами западного либерального гражданского общества и соответственно за пределами защищающего его закона [10]. Теперь мы видим, что это вовсе не случайность, гражданское общество вполне сознательно создавалось с целью обогащать

собственников. И в этом смысле оно не чисто политический институт, как его иногда понимают (политическим институтом является его надстройка – буржуазное государство), а так же, как и община, прежде всего институт хозяйственный, хоть и предполагающий определенное самоуправление.

Поскольку же целью объединения в гражданское общество является именно сохранение и приумножение собственности, то о том, чтобы делиться имуществом или собственностью между членами гражданского общества, речи не идет, ведь делиться – значит не сохранять, а напротив, терять хотя бы часть собственности. Да и во взаимопомощи ради выживания эти собственники не нуждаются, они и так обеспечены всем необходимым и желают лишь приумножить свои богатства. А для этого и нужна конкуренция, разбогатеть можно лишь за счет разорения других, к которым член гражданского общества – буржуа между тем не обязательно лично испытывает какие-либо негативные эмоции.

Как видим, дело вовсе не в моральности или аморальности отдельных людей. Общинники помогают друг другу не потому, что они прирожденные альтруисты. Община сдерживает конкуренцию и добивается наибольших результатов на основе сотрудничества, ведь ее предназначение – труд ради выживания. Община является формой консолидации трудящихся: крестьян, ремесленников, работников. Гражданское общество приветствует конкуренцию и добивается своей цели – обогащения своих членов через конкуренцию, потому что ее предназначение – личное неограниченное обогащение при помощи торгово-рыночных инструментов. Гражданское общество – форма организации собственников – буржуа, которые желают подчинить себе государство и обезопасить себя при помощи системы законов от издержек неконтролируемой конкуренции. Что же касается восприятия самим гражданским обществом себя как цивилизации, которая возникает вслед за естественным состоянием, то это не что иное, как идеологическое заблуждение. Здесь уместно вспомнить мысль Маркса о том, что идеология представляет собой отображение некоей реальности, но не адекватное, а искаженное каким-либо эгоистическим,

[10] - Об этом откровенно пишет идеолог российского либерализма Е. Гайдар: «Характерный для европейских стран (начала и середины XIX в. – Р.В.) – лидеров экономического роста, в первую очередь Англии, политический режим – это не демократия, основанная на всеобщем избирательном праве. Парламенты выросли из демократии налогоплательщиков, избирательное право было ограничено высоким имущественным цензом и на подавляющее большинство рабочих не распространялось» Гайдар Е.Т. Богатые и бедные. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья первая//Независимая газета, 14 мая 2004 года. С. 11.

например, классовым интересом. Либеральная идеология не составляет исключения из этого правила.

Конечно, никакого доисторического естественного состояния никогда не было, и цивилизацией в просвещенческом смысле слова буржуазное общество не является [11]. Просто в этих представлениях, которые легли в основу либеральной теории, отразилась реальная эпоха становления капитализма на Западе – с XIV по XVII вв., когда буржуа действительно страдали от издержек неконтролируемой конкуренции друг с другом, от давления феодального государства с одной стороны, а с другой – от цехов ремесленников и торговцев, которые видели в буржуазии лишь прослойку простонародья, маргиналов, порвавших с общиной и ничем не защищенных. При помощи самоорганизации в гражданское общество буржуазия Запады смогла значительно разрушить западную общину и установить свой контроль над государством (которое, как мы увидим далее, буржуазия тоже трансформировала, изменив саму его суть).

5. Религиозная и политическая общины в традиционном обществе

Осталось лишь напомнить, что речь у нас шла именно о производительно-распределительной или о хозяйственной общине, и мы специально оставили без внимания общины другого типа, например, политическую (традиционное государство) или религиозную (церковь). Между тем как раз по отношению к ним моральный подход в той или иной мере оправдан, поскольку они занимаются не экономической деятельностью и построены не на принципе выживания. В религиозной общине или в церкви люди действительно помогают друг другу бескорыстно, не рассчитывая на встречный «дар» и предполагая, что его может не последовать. Этого требует сама религия, призывающая своих адептов к бескорыстию и духовному совершенствованию (естественно, имеются в виду традиционные религии, а не протестантизм).

Схожим образом обстоит дело и с традиционным государством. Мы очень часто не отдаем себе отчета в том, что государство традиционного мира принципиально отличалось от государства мира модернистского или буржуазного. Виною тому – вевшийся в нас марксистский стереотип, который представляет государство слишком абстрактно – как аппарат легитимного насилия, то есть видит его извне, со стороны масс, а не изнутри, не учитывает его внутреннюю структуру и особенности. Вместе с тем, государство традиционного мира – это именно политическая община, со-

[11] - Первое давно уже доказано исторической наукой, а последнее очень хорошо показали марксисты, выявившие иррациональную суть капитализма, которая несовместима с рационалистическим идеалом Просвещения.

общество аристократов во главе с князем, королем, царем, в котором входящие в него члены теснейшим образом связаны между собой, причем часто даже кровными и родственными узами (как известно, браки аристократы заключали лишь между собой и через несколько столетий такого «смешения» уже не было аристократических родов, которые не состояли бы в родстве с другими).

Конечно, видеть в аристократии разновидность родовой общины будет некоторым преувеличением, но все же нельзя отрицать, что аристократия также являлась носителем своеобразных и гораздо более архаических по сравнению с народом общинных ценностей. Ей не были чужды самые разнообразные формы взаимопомощи, и что очень важно для нас, не детерминированные сугубо экономическими интересами. Напротив, аристократия испытывала крайнее презрение ко всему, что связано с материальной и экономической деятельностью. Вспомним: традиционные аристократические государства возникали как дружины воинов, имеющие своего вожда и выполняющие функции защиты той или иной крестьянской общины. Неудивительно, что у аристократов, как и представителей воинского сословия, высоко ценились боевое содружество, готовность делиться всем, что имеешь, пожертвовать собой ради другого и особенно за своего военного вожда – князя или короля. Собственность у аристократов также была не инструментом для получения прибыли, а неким даром, который дается королем за воинские заслуги и который, кстати, король может и забрать.

Буржуазное государство является надстройкой уже не над хозяйственной общиной, а над гражданской общиной, организацией буржуа, и принципиально отличается от такой политической общины, традиционно-аристократического государства. Буржуазное государство – это сообщество профессиональных управленцев, которые за плату выполняют свою работу и вовсе не ощущают себя общинниками, а каждый преследует свой интерес. Разумеется, здесь не идет никакой речи о самопожертвовании и взаимопомощи людей, составляющих государственный аппарат, напротив, отношения между ними вполне механистичны и формализованы, они подчиняются инструкциям и законам. Взаимопомощь традиционного типа резко осуждается. Так, в рамках буржуазного государства объявляются неприемлемыми попытки чиновника привлечь к государственной работе своих родственников или друзей (тогда как в традиционном аристократическом государстве все государство, каковое совпадало с сословием аристократов, было пронизано родственными связями и строилось на них).

Показательно, что хозяйственной традиционной общине соответствует именно государство общинно-

го типа (аристократия), а гражданскому обществу как форме самоорганизации буржуа – именно необщинное механистическое государство (аппарат профессиональных управленцев). Так сказать, над организмом хозяйственной общины закономерно надстраивается организм политической общины или аристократического государства, а над механизмом гражданского общества закономерно надстраивается механизм политического общества – буржуазного государства.

К этому можно добавить, что в тех странах, где после антиаристократических революций сохранилась община как доминирующий экономический и жизненный уклад – в России, Китае, Корее, Вьетнаме и т. д. – сформировалось и государство по типу сменяемой «народной аристократии». Функции государства здесь стала выполнять партия, представляющая собой разновидность политической общины (в России эпохи Сталина партия даже прямо уподоблялась религиозно-аристократической общине и именовалась «орденом меченосцев»). Замечательно, что это произошло вопреки официальной идеологии этих революций – марксизму, который перенял понимание государства у буржуазной идеологии и видит в государстве лишь сообщество профессиональных управленцев, действующих по договору (именно так понимал государство Ленин, мечтавший использовать механизм буржуазного государства – буржуазных специалистов-управленцев для нужд уничтожения класса буржуазии и коммунистической самоорганизации пролетариата).

6. Заключение

Итак, хозяйственная община, в отличие от общины политической и религиозной, как раз чужда ценностям бескорыстия и альтруизма. Ее взаимопомощь детерминирована сугубо экономическими причинами. Либералам, обвиняющим общинные формы экономики в излишней «моралистичности», следует отметить, что такой общине как раз недостает собственного морального потенциала и поэтому над ней и должна быть надстройка идеократически-общинного государства, которое не просто осуществляет политические, управленческие функции, но и призвано дать хозяйственной общине идеологию и элементы нравственного воспитания. Конечно, в условиях современного мира существование чистых традиционных аристократических государств невозможно, они не выдержат политической конкуренции с буржуазными государствами Запада. Поэтому для той же России оптимальной является модель государства «сменяемой народной аристократии», однопартийного государства, но только не с марксистской, а с новой, евразийски-народнической идеологией.